

Двое мальчуганов играли в кости, сидя на парапете набережной. Мужчина читал газету, пристроившись на ступенях памятника, под сенью героя, размахивающего саблей. Девушка у колодца наливала воду в ведро. Торговец овощами лежал около своего товара, уставясь в морскую даль. В пустые проемы окон и дверей видно было, как в дальнем конце кабачка двое мужчин попивают вино. Хозяин дремал, сидя за столиком у входа. Бесшумно, словно скользя над водой, в гавань вошел бот. На берег спустился человек в синем кителе и продел канаты в кольца причала; вслед за боцманом двое матросов в темных куртках с серебряными пуговицами спустили на берег носилки, на которых под шелковой цветастой шалью с бахромой, по-видимому, лежал человек.

Никто на всей набережной не обратил внимания на вновь прибывших, и даже когда они поставили носилки на землю, дожидаясь, пока боцман кончит возиться с канатами, никто не подошел поближе, ни о чем не спросил, не пригляделся к ним. Боцман помешкал еще минуту, потому что на палубе показалась простоволосая женщина с младенцем на руках. Наконец он приблизился, указал макросам на желтоватый двухэтажный дом слева, прямо у берега, те подняли свой груз на плечи и внесли его в приземистые, но обрамленные стройными колонками ворота. Маленький мальчик отворил окошко, увидел, что приезжие входят в дом, и поспешил захлопнуть окошко. Вслед за тем закрылись и плотно пригнанные створки ворот из мореного дуба. Стая голубей, кружившая над колокольней, опустилась наземь перед желтоватым домом, как будто там была заготовлена для них пища.

Все голуби сгрудились у ворот, а один взлетел до второго этажа и постучал клювом в окно. Это были как на подбор холеные, резвые птицы со светлым оперением. Женщина на палубе швырнула им с бота горсть зерна, они все поклевали и полетели к ней на палубу.

Из узкой улочки, круто спускающейся к гавани, появился господин в цилиндре с креповой лентой. Он пристально огляделся по сторонам и явно остался недоволен - при виде кучи мусора в углу у него даже перекошилось лицо. На ступенях памятника валялась кожура от фруктов, ее он мимоходом сбросил концом трости. Держа цилиндр в правой, затянутой в черную лайковую перчатку руке, господин постучался у двери. Ему тотчас же открыли, с полсотни ребят, приветствуя его, выстроились шпалерами в длинном коридоре.

По лестнице спустился боцман, поздоровался с гостем и повел его вверх, во втором этаже они обогнули обстроенный изящными воздушными портиками внутренний двор и, сопутствуемые на почтительном расстоянии толпой ребят, вступили в прохладную залу в задней части дома; напротив домов уже не было, здесь высились только иссера-черные голые скалистые уступы.

Матросы как раз установили в головах носилок высокие подсвечники и зажгли свечи, но светлее от этого не стало, только встрепенулись и забегали по стенам мирно покоившиеся тени. С носилок отбросили покров. Под ним лежал мужчина с косматыми волосами, с всклокоченной бородой и обветренным лицом, по виду похожий на охотника. Он лежал неподвижный, как будто бездыханный, с закрытыми глазами, и тем не менее лишь по окружающей обстановке можно было предположить, что он мертвей.

Господин подошел к носилкам, приложил руку ко лбу лежащего, а затем опустился на колени и стал молиться. Тогда боцман кивком приказал матросам уйти; они удалились, разогнали ребят, столпившихся снаружи, и затворили за собой дверь. Но господин, видимо, желал полного уединения, он взглянул на боцмана, тот понял и через боковую дверь вышел в соседнюю комнату. Лежащий на носилках тотчас же открыл глаза, со страдальческой улыбкой повернулся к господину и спросил:

– Кто ты?

Нимало не удивившись, господин поднялся с колен и ответил:

– Я бургомистр города Рива.

Лежащий кивнул, с трудом подняв руку, указал на кресло и, после того как бургомистр уселся, заговорил снова:

– Я и так это знал, господин бургомистр, но в первую минуту у меня всякий раз голова идет кругом, и лучше для верности спросить, хоть я все знаю доподлинно. А вы тоже, должно быть, знаете, что я охотник Гракх.

– Разумеется, – ответил бургомистр, – Я нынче ночью был оповещен о вашем прибытии. Мы уже спали крепким сном. Как вдруг около полуночи жена окликнула меня: «Сальваторе (так меня зовут), взгляни, за окном голубь!» И верно, это был голубь, только величиной с петуха. Он подлетел к самому моему уху и объявил: «Завтра прибудет умерший охотник Гракх, прими его как отец города».

Охотник кивнул и кончиком языка провел по губам:

– Да, голуби всегда летят передо мной. Как вы полагаете, господин бургомистр, следует мне остаться в Риве?

– Пока что я не могу этого решить, – ответил бургомистр, – Вы мертвец?

– Да, как видите, – сказал охотник. – Много, должно быть, очень много лет тому назад, я преследовал серну и сорвался с кручи, это было в Шварцвальде, в Германии. С тех пор я и мертв.

– Однако вы и живы, – возразил бургомистр.

– Отчасти, – согласился охотник, – отчасти я жив. Мой челн смерти взял неверный курс – то ли кормчий отвлекся созерцанием моей прекрасной отчизны, то ли в минуту рассеянности не туда повернул руль, уже не знаю что, знаю одно – я остался на земле и челн мой с той поры плавает в земных водах. Жить мне хотелось только среди родных гор, а я после смерти странствую по всему свету.

– А в потусторонний мир вам доступа нет? – насупившись, спросил бургомистр.

– Я обречен вечно блуждать по гигантской лестнице, которая ведет на тот свет, – ответил охотник. – То меня занесет наверх, то вниз, то

направо, то налево. Я не знаю ни минуты передышки – не охотник, а какой-то мотылек. Не смейтесь.

– Я не смеюсь, – запротестовал бургомистр.

– И хорошо делаете, – одобрил охотник. – Подумайте, ни минуты передышки. Вот кажется, я взял разбег и передо мной уже забрезжили высокие врата, но миг – и я очнулся на моем челноке, застрявшем в каких-то унылых земных водах. В стенах каюты меня злобной издевкой донимает моя незадачливая кончина. В дверь стучит Джулия, жена боцмана, и подносит к моему одру утренний напиток той страны, вдоль берегов которой мы как раз проходим. Глядеть на меня радость небольшая – я лежу на дощатой койке в грязном саване, волосы и борода, вперемежку черные и седые, сваялись космами раз и навсегда, ноги прикрыты шелковой цветастой шалью с бахромой. В головах стоит и светит церковная свеча. На стене напротив висит картинка, на ней какой-то дикарь, бушмен что ли, целится в меня копьем, а сам прячется за пышно размалеванный щит. На кораблях часто видишь глупые картинки, но глупее этой не придумаешь. Вообще же моя деревянная клетка совсем пуста. Сквозь отверстие в боковой стене проникает теплый воздух южной ночи и слышно, как вода плещется о старый бот. Так я и лежу с той поры, как еще живым охотником Гракхом у себя дома, в Шварцвальде, преследовал серну и сорвался с кручи. Все как по писаному – преследовал, сорвался, истек кровью в ущелье, умер, и этот вот челн должен был перенести меня на тот свет. Помню, с каким блаженством растянулся я впервые на своей койке. Родные горы ни разу не слышали от меня такой песни, какой я огласил эти еще не знакомые мне стены. Я легко жил и легко умер; прежде чем вступить на борт, я с восторгом отбросил, как ненужную ветошь, свою охотничью снасть – флягу, ружье, ягдташ, – которую прежде носил с гордостью, и в саван облекся, как девушка в подвенечный наряд. Потом лег и стал ждать. Тут-то и приключилась беда.

– Жестокая доля, – махнув рукой, промолвил бургомистр. – И вашей вины в этом нет?

– Ни малейшей, – ответил охотник. – Я был охотником, какая же в этом вина? Меня поставили охотником в Шварцвальде, где в ту пору еще водились волки. Я выслеживал, стрелял, попадал, сдирал шкуру – какая в этом вина? Господь был мне в помощь в моих трудах. «Великим шварцвальдским охотником» прозвали меня. Какая в этом вина?

– Мне не дано права судить об этом, но, сдается мне, вины в этом нет, – признал бургомистр. – Тогда на ком же лежит вина?

– На боцмане, – ответил охотник. – Никто не станет читать то, что я тут пишу, никто не придет меня спасти, а если бы и была поставлена задача спасти меня, все равно двери всех домов оставались бы на запоре, на запоре все окна, все люди лежали бы в постелях, натянув одеяла на головы, вся земля представляла бы собой мирный ночлег. И это было бы правильно, ибо никто обо мне не знает, а знал бы кто обо мне, так не знал бы места, где я нахожусь, а знал бы место, где я нахожусь, так не знал бы, как удержать меня там, не знал бы, как мне помочь. Намерение мне помочь есть болезнь, которую лечат содержанием в постели. Все это я знаю и потому не кричу, хотя бывают минуты, как, например, сейчас, когда я теряю власть над собой и крепко помышляю о том, чтобы позвать на помощь. Но такие помыслы мигом улетучиваются, стоит мне оглядеться по сторонам и вспомнить, где я нахожусь, где обитаю – смею утверждать – уже не одно столетие.

– Чудеса, прямо скажу, чудеса, – вставил бургомистр. – А теперь вы задумали остаться у нас в Риве?

– Ничего я не задумал, – усмехнувшись, сказал охотник и, чтобы смягчить насмешку, положил руку на колено бургомистра. – Сейчас я тут, больше я ничего не знаю и ничего не могу поделать. Челн мой носится без руля по воле ветра, который дует в низших областях смерти.